

УДК 398, 1.571, 161.3, 784.4
DOI 10.17223/18137083/67/3

Т. В. Дайнеко¹, Н. В. Леонова²

¹ *Институт филологии СО РАН, Новосибирск*

² *Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки*

Белорусские календарные песни Сибири и Дальнего Востока: жанровый состав

Статья посвящена характеристике репертуара белорусских календарных песен сибирского бытования. Каждый из сезонов годового круга (зимний, весенний и летне-осенний) рассматривается в этом аспекте последовательно, по обрядово-этнографическим комплексам. Наряду с научной терминологией приводятся имеющиеся в источниках этнографические, народные обозначения песенных жанров, указаны их отличительные текстовые признаки-маркеры. Авторы приходят к выводу, что песенный репертуар праздничных комплексов каждого из календарных сезонов имеет иерархическую организацию, куда входят собственно обрядовые песни и песни различных жанров, приуроченные к обряду или к сезону. Кроме того, во время календарных праздников звучит большое количество песен обиходного репертуара. Календарный песенный цикл предстает в качестве основы белорусской фольклорной традиции как в метрополии, так и в сибирском регионе.

Ключевые слова: традиционная культура Сибири, календарный фольклор белорусов-переселенцев, песенные жанры.

Коллекция зафиксированных на территории Сибири и Дальнего Востока белорусских календарных обрядов и песен, представленная в доступных авторам статьи источниках (печатных и рукописных изданиях, а также аудио-, видео- и фотоматериалах), весьма репрезентативна. Это отражено в таких параметрах, как количество образцов (более 300), географический охват областей и краев сибирского региона, разнообразие исходных локальных белорусских традиций (витебских, могилёвских, черниговских, гродненских, минских и пр.). Сибирский белорусский материал целесообразно рассматривать не только суммарно, как це-

Дайнеко Татьяна Владимировна – младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; tan-dai@mail.ru)

Леонова Наталья Владимировна – кандидат искусствоведения, и. о. профессора кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (ул. Советская, 31, Новосибирск, 630099, Россия; nleonova53@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 2
© Т. В. Дайнеко, Н. В. Леонова, 2019

лостную коллекцию образцов календарно-обрядового фольклора, но также и с учетом особенностей субрегиональных и, уже – локальных (то есть свойственных отдельным районам или даже населенным пунктам) песенных комплексов. В настоящей статье субрегионы обозначаются в соответствии с современным административным делением – Новосибирская, Омская, Тюменская, Кемеровская области, Красноярский, Алтайский, Хабаровский, Приморский края. О сибирской географии белорусских народных песен см. также: [Леонова, 2004].

Данная работа посвящена характеристике репертуара календарных песен сибирских белорусов, который в каждом из сезонных и обрядовых циклов годового круга отличается жанровой многосоставностью. Первоначальное структурирование песенного репертуара зимнего календарно-обрядового комплекса сибирских белорусов, на примере его центрального цикла – святочного, было предложено в статье, опубликованной в 2013 г. [Дайнеко, 2013]. В настоящем исследовании эти положения уточняются и получают развитие на материале других обрядовых циклов.

Весь песенный комплекс каждого сезонного цикла можно разделить на несколько частей:

- первую и основную часть составляют собственно обрядовые песни, сопровождающие ритуальные действия и непосредственно к ним относящиеся;
- во вторую часть входят образцы разных жанров, приуроченные к обряду;
- в третьей части представлены различные по жанровой принадлежности образцы, приуроченные к календарному сезону.

Важно подчеркнуть, что во вторую и третью части наряду с песнями фольклорных жанров входят и фольклоризованные православные песнопения – главным образом, кондаки и тропари. Особенности включения православных песнопений в фольклорные традиции разных народов сибирского региона посвящена диссертация Е. И. Исмагиловой [Жимулёва, 2008] и ряд статей (см., например: [Леонова, Жимулева, 2002]).

Полный годовой круг в фольклоре белорусов-переселенцев Сибири состоит из трех календарных сезонов (зимнего, весеннего и летне-осеннего), в которых выделяется ряд обрядово-этнографических комплексов.

Зимний сезон

К части **обрядовых** здесь относятся песни, исполняющиеся во время святочного комплекса. Главное место занимают поздравительные обходные песни – *колядки, щедровки, песни-«посевания»*. Они имеют разные народные обозначения, чаще всего описательные, в которых указан адресат песни, комментируется обрядовая ситуация и прочие обстоятельства. Например, в источниках находим такие ремарки исполнителей¹: «Эта калёдная песня. Калида, вот, перед Рождеством бывает, перед Новым годом старым, перед Крещением. Вот пели хадили по улице, собраўшись. Калида» (д. Атирка Тарского р-на Омской обл.; Арх. ОмГПУ, Маг-3/1971, № 18)²; «ета щчэдрь» (с. Петропавловка Маслянинского р-на Ново-

¹ Здесь и далее при цитировании комментариев исполнителей и строк песен по возможности отражаются некоторые лексические и фонетические особенности речи сибирских белорусов – аканье, особое, на белорусский лад, произношение буквы «в» (ў), ненормативные ударения и т. д.

² В статье даны ссылки на неопубликованные материалы, хранящиеся в фольклорных архивах Омского и Красноярского педагогических университетов (ОмГПУ и КГПУ, ранее – институтов), Государственном архиве Новосибирской области (ГАО), Архиве Сибирского культурного центра (СКЦ, Омск), а также Полевые материалы (ПМ) В. Ф. Похабова и Т. В. Дайнеко. Копии аудиоматериалов хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки. В статье ссылки

сибирской обл. [Дайнеко, 2018, с. 131]); «вечерам пад Новый год пають» (д. Ма-линовка Болотнинского р-на Новосибирской обл.; ГАНУ, ф. 2163, оп. 2, № 252, В-33); «эта мужики хадили» (с. Васьково Промышленновского р-на Кемеровской обл.; ПМ Похабова, МК, А-11); «пели, когда колядовали под Новый год. В окно кричали: “Петь вам?” – “Пойте коляду!” – “Тады поём эту песню!”» (д. Ивановка Бирилусского р-на Красноярского края [Пришла Коляда..., 1995, с. 27]); «девки пели... пають [той семье,] у каго девачка» (с. Анучино Анучинского р-на Приморского края [Семёнова, Семёнов, 2003, с. 116, № 25]); обходить дворы с пением песен – это «христославить» или «славить» – «у нас ето [так] называли» (с. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской обл. [Дайнеко, 2016б, с. 65]), «под Новый год посевали» (с. Камышинка Кыштовского р-на Новосибирской обл. [Дайнеко, 2016а, с. 87]).

Припевы обходных поздравительных песен хорошо узнаваемы при всем их разнообразии и являются однозначными маркерами жанровой принадлежности образцов. Припевы бывают традиционными фольклорными и христианизированными: «Калида», «Ой, каляды, святые вечары», «Коляды, святые вечарочки», «Святой вечер», «Святой вечар добрым людям», «Бог яму дав вумнаю жану, доля яго», «Раю развися, Христос народився, на яво дваре», «Радуйся Бог, усе святые радуйтися», «Славэн вэльмы, як Бог на нэби да й над намь». В песнях-«посеваниях» такими идентификаторами жанра являются не припевы, а строка текста – «Сею-сею (-вею), посеваю», которая может быть в начале или конце песни.

В рассматриваемую часть репертуара зимних белорусских песен сибирского бытования входят также песни, *сопровождающие обрядовые игры святочного периода «Коза» и «Женитьбы Терёшки»*. Вождение ряженой «козы» с пением соответствующих песен происходило в то же время, что и колядование: поют в «Ражжаство, утром рана прыходють мужики, прыводють казу» (с. Анучино Анучинского р-на Приморского края [Семёнова, Семёнов, 2003, с. 115, № 7]). Эта игра находится в общем русле восточнославянского календарного фольклора Сибири (есть и репертуарные совпадения, например, у русских и белорусов) и распространена по всем очагам расселения белорусов в регионе. Напротив, обрядовая игра «Женитьба Терёшки» является именно белорусским фольклорным феноменом. В Сибири песни из этой игры в основном зафиксированы собирателями в одном из субрегионов – в разных районах Омской области (Арх. ОмГПУ, МАГ-17/1979, № 1; МАГ-1/1996, № 21, 22, 27, 28, 41; и др.); также см. об этом: [Мясникова, 2015].

К обрядовой части относятся и *подблюдные песни*, исполняемые во время ритуала гадания, однако в наших материалах белорусской сибирской традиции они представлены единичными образцами (с. Новомалиновка Нижнеомского р-на Омской обл.; Арх. ОмГПУ, МАГ-11/1981, № 12, 13) да и в метрополии не имеют широкого распространения.

Сюда же следует отнести и *речевые приговоры*, используемые для «общения» с потусторонними силами и погодными явлениями. Например, приговор морозу записан в Омской области (д. Михайловка Седельниковского р-на; Арх. ОмГПУ, МАГ-2/1980, № 42); две версии, зафиксированные в Приморье, см. в: [Фетисова и др., 2004, с. 74–75].

Приуроченными к зимним обрядам в первую очередь следует считать рождественские *тропарь* «Рождество твое, Христе Боже наш...» и менее распространенный *кондак* «Дева днесь Пресушественного рождает...» в их фольклоризо-

даны только на шифры исходных архивов; полная информация будет опубликована во второй части «белорусского» тома серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». О принципах подготовки и научном потенциале первой части издания «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока» см.: [Леонова, 2014].

ванных версиях³. В святочный период некоторые особо набожные хозяева запрещали петь колядки в своем дворе, и в таком случае колядовщики исполняли им православные песнопения и христославия.

Кроме того, к обрядовой ситуации колядования могли быть приурочены и *песни других жанров*. В сборнике «Карагод широкий» опубликованы два образца со схожим вербальным текстом «Через поля, поля чыстыя» [Семёнова, Семёнов, 2003, с. 14–16, № 3, 4]. В комментариях их жанровая принадлежность обозначена как «колядка», об этом же в описательном ключе говорят и исполнители: «Мы у хати пьём. “Можна у вас спеть?” – “Пожалуйста”. Мы сьпьем и нам приняють миску зерна, ти гречки...» [Там же, с. 115]. Однако по содержанию вербального текста (о встрече Богородицы с тремя ангелами) и музыкальному его воплощению песня представляет собой духовный стих, в данном случае выполняющий функцию колядки. В этом же сборнике находим четырехстрочную колядку, которую «как частушку пають» [Там же, с. 115, № 13], т. е. напев неприуроченного жанра частушки приспособляется носителями традиции к обрядовым нуждам.

К *сезонно приуроченным* можно отнести *вечёрошныя песни*, которые звучали во время молодежных святочных посиделок. Информанты обычно не называли такие песни вечёрошными, говоря лишь о месте и времени их исполнения. В жанровом отношении они могли быть лирическими, хороводными или плясовыми.

Весенний сезон

Масленичная неделя занимает в годовом календарном круге промежуточное положение: с одной стороны, она завершает зимний сезон, с другой – открывает весенний. Мы относим праздник Масленицы к весеннему периоду вслед за учеными, занимающимися метропольной белорусской календарной традицией [Можейко, 1984, с. 23 и далее].

В связи с пограничным положением Масленицы весь весенний период в белорусской календарной традиции сибирского бытования логично делится на две части. Первая из них – **ранняя весна** – носит переходный характер и имеет временные границы от Масленицы (подвижная дата) до Благовещенья (7 апреля⁴), на середину этого периода выпадает еще один общезначимый для сибирских белорусов весенний праздник – Сороки (22 марта).

Обрядовую песенную часть ранней весны составляют:

– *масленичные песни*;

– «*гукальные*» *весенние песни*, с помощью которых призывали, закликали весну;

– *благовещенские песни*.

В каждом из субрегионов Сибири и Дальнего Востока обрядовые компоненты Масленицы отличаются гораздо большей сохранностью, чем песенная составляющая этого праздничного периода. Тем не менее в суммарной белорусской коллекции имеется более двадцати масленичных песен. В комментариях исполнителей «масленками», «маслянскими», «масленицей» могли называться не только обрядовые песни, но и приуроченные к обряду, например, хороводные (о них ниже).

Характерной особенностью песен ранневесеннего периода были гуканья / гиканья / гэканья – обрядовые возгласы-призывы («У!», «Гу!», «Гэ!»), которые интонировались напряженным тембром, звонко, крепко, в высоком регистре. Обращает на себя внимание структурная особенность: в песнях с гуканьем, как прави-

³ Слово «тропарь» не используется самими информантами. Они говорят: «пели “Рождество”», «петь “Богородицу”» и т. п.

⁴ Здесь и далее в статье даты указаны по новому стилю.

ло, нет припевов. В масленичных песнях такие возгласы могли как встречаться – например: «Гэ! – так гикали шшэ» (с. Васьково Промышленновского р-на Кемеровской обл.; ПМ Похабова, МК, А-14), так и отсутствовать. В то же время эти возгласы являлись главной отличительной чертой «гукальных» весенних песен. «Гукать весну» начинали на Масленицу и продолжали до Благовещенья. Эти возгласы более характерны для песен ранневесеннего периода, но нередко звучали поздней весной и летом. Так, в коллекции есть весенняя песня с гуканьем, которую, по ремарке исполнительницы, «пели на Пасху», «весной пеют» (с. Васьково Промышленновского р-на Кемеровской обл.; ПМ Похабова, МК, А-15).

Диапазон народной терминологии для обозначения весенних обрядовых песен шире. Помимо кратких – «весна», «весенняя», «веснущая», «весняная» – встречаются и достаточно развернутые формулировки. Зачастую в них содержится указание на действие (глагол), определяется место этого действия, а также половозрастной состав его исполнителей: «то вясну гукають» (с. Преображенка Ачинского р-на Красноярского края; ПМ Похабова, МК, В-15), «эта вясной пають», «пают, завут весну» (с. Анучино Анучинского р-на Приморского края [Семёнова, Семёнов, 2003, с. 117, № 36, 37]); «весну погукаем» (д. Барлак Мошковского р-на Новосибирской обл.; ГАНУ, ф. 2163, оп. 2, № 313, А-12); «на вулицы выйдуть и пяють, весну встречають» (д. Ивановка Бирилюсского р-на Красноярского края; Арх. КГПУ, 166-3/1989); «весну кликали в апреле. На улице. Залезут девки на пулю (забор. – Т. Д., Н. Л.), на сено и весну кликают, поют. На Благовещенье поют, весну кликают» (с. Орловка Бирилюсского р-на Красноярского края; Арх. КГПУ, 26-5/1989).

Приуроченными к обрядам ранневесеннего периода могли быть песни различных жанров, среди которых особое место занимают *хороводы*. Хотя хороводный сезон начинался во второй половине весны, после Пасхи, многие ранневесенние песни имеют хороводную форму. Хороводы водили на масленичной неделе, в том числе в ее кульминационный день, когда разводили костер. В отдельных локальных традициях к Масленице могли быть приурочены строго определенные хороводные песни: например, в с. Харитоновка Шкотовского района Приморского края, где проживают потомки черниговских переселенцев, «информанты единодушно называли масленичную песню “Сы горы солнце сыкатилося”, которая в других местах (расселения белорусов в Приморье. – Т. Д., Н. Л.) не имела столь жесткой временной закреплённости, а исполнялась на протяжении всего послепасхального периода» [Фетисова, 2002, с. 86].

Песни этого жанра могли быть приурочены и к Благовещенью. В благовещенских песнях встречаются характерные для хороводов припевы: «ой, ли, ой, люли», «лёлюшки, лёли», «лёлюшки-палёлюшки» и другие (например: «Што й у нас завтра Благовешчанья, / Ой, ли, вой, люли, Благовешчанья» – д. Ивановка Бирилюсского р-на Красноярского края; Арх. КГПУ, 166-4/1989). Исполнители нередко указывают, что песню надо было исполнять «в кругу», обыгрывая действиями сюжет: «Пели в кругу. Пару выбяруть, посярод поставять, парня и деўку. Ну вот ён уже куплет праستاить, праходим круг, так и другую пару выбираить. Да яще каторые дружат, да стыдят-то их нарочно» (Там же).

Кроме того, в разные моменты праздников, – как правило, после совершения обрядовых действий – могли исполняться любые распространенные в данной традиции песни (например, лирические), частушки, инструментальные наигрыши и т. д. Так, на масленичной неделе во время традиционного катания на лошадях по деревне «спивали пра Маслинаю, а то такую... (то есть не обрядовую масленскую, а обычную, обиходную. – Т. Д., Н. Л.) песню завядуть... и гармошка играя» (с. Соколовка Чугуевского р-на Приморского края) [Семёнова, Семёнов, 2003, с. 11].

Период **поздней весны** насыщен событийными вехами – Великий пост от Прощеного воскресенья и до Пасхи, пасхальная неделя, Радоница, день святого Егория (6 мая) и Вознесение.

Обрядовые песни этого времени представлены поздравительными обходными песнями пасхального песенно-этнографического комплекса – *волочебными*: «Группа людей ходила по дворам, пела волочебные песни. Это не колядки. Главное, чтобы дали яйцо» (с. Ирбейское Красноярского края); «На Пасху ходили волочебники. Тогда и мужики ходили, и женщины – все» (с. Фаначет Тасеевского р-на Красноярского края); «Веселились, пели, плясали. По улицам ходили волочебные люди» (пос. Красный Маяк Канского р-на Красноярского края) [Великий пост..., 2013, с. 165].

В доступной нам сводной коллекции белорусских календарных песен сибирского бытования в комментариях исполнителей наряду с определением *волочёбная / волочебная* встречается и иное: «вот [зайдут – неразборчиво] в хату. Тады ужа падаю́т и кормю́т. Эта хрыстовская [песня]» (д. Александровка Колосовского р-на Омской обл.; Арх. СКЦ, № 7). Иногда описывается обрядовая ситуация, а жанр самой песни никак не обозначается: «Патом: Христос васкрес! Христос васкрес! Ну и приглашают или в хату – вина каждому дають выпить помаленьку, а если пад важно, то всяко там – яички, деньги» (с. Атирка Тарского р-на Омской обл.; Арх. ОмГПУ, МАГ-17/1980, А-12); «А взрослые у нас – Пасху ходили пели. На второй день Пасхи всё ходили вечерами под окошком» (с. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской обл. [Дайнеко, 2016б, с. 67]); «Христославцы по домам ходили, славили Христа, кто чё даст, кто колбасы, кто стряпаное» (д. Ивановка Ишимского р-на Тюменской обл. [Традиционный фольклор..., 2013, с. 9]). Волочебным песням одного из сибирских субрегионов, и в том числе связанной с этим жанром народной терминологии, посвящена работа омского филолога-фольклориста С. А. Мясниковой [2017].

Волочебные песни представляют собой пример компромиссного сосуществования древней обрядовой традиции (обход дворов), связанной с продуцирующей магией, и православной культуры. Тексты волочебных песен часто опираются на библейские источники, в них упоминаются различные святые и одновременно раскрывается, в чем именно каждый святой может помочь земледельцам. Христианское же начало наиболее ярко проявляется в текстах припевов, например: «Христос васкрес, сын Божя» (д. Александровка Колосовского р-на Омской обл.; Арх. СКЦ, № 4); «Христос, сын Божий, васкрес» (с. Новоягодное Знаменского р-на Омской обл.; Арх. ОмГПУ, МАГ-1/96, № 36). Наряду с этим встречаются волочебные песни с припевами дохристианского периода: «Зелёна ёлка, зелёна», «Сад зялёный, вишнёвый».

К обрядовым относятся и *егорьевские песни*; в сибирской коллекции они представлены единичными образцами (например, с. Васисс Тарского р-на Омской обл.; Арх. ОмГПУ, МАГ-9/1980, № 6).

Приуроченные к обряду жанры. В пасхальный период обязательным элементом был *тропарь «Христос воскрес»*, который в каждой из локальных традиций имел свои особенности напева – мелодические, темповые и пр. Например, носители традиции дают такое описание: «На Пасху мы пели “Христос воскрес”. Дома. И на улицу выйдем другой раз, на лавочке сядем и поём. Мы и на кладбище ходим когда на родительский день – поём. Его ж не всегда поют. До Вознесения он поётся. А после Вознесения уже поётся “Богородица”» (с. Камышинка Маслянинского р-на Новосибирской обл.) [Дайнеко, 2016а, с. 88].

Хороводные песни в весенний период могут быть приурочены к обряду. Так, отличительной чертой локальной традиции с. Прямское Маслянинского района Новосибирской области, где проживают потомки переселенцев из Черниговской губернии, были хороводы («караводы», «карагоды»), которые прямчане обяза-

тельно пели и водили на Радоницу в непосредственной близости от кладбища – за его воротами. Развитость и хорошая сохранность обрядов и песен радоницкого комплекса вплоть до настоящего времени свидетельствует о том, что он, безусловно, является центральным для данной локальной традиции, выделяя ее из ряда таковых в сибирском регионе. Однако по прошествии пасхального периода радоницкие хороводы в с. Пряmsком теряли свою обрядовую функцию и становились сезонно приуроченным жанром – их «играли» вплоть до Троицы; более того, «на точкѣ» (т. е. во время летних развлекательных собраний) они могли исполняться и без хореографического компонента. У потомков черниговских переселенцев Приморья также зафиксирована развитая пасхально-радоницкая обрядность с большим количеством хороводных песен (г. Артѣм, сѣла Васильевка, Ястребовка, Сергеевка, Владимиро-Александровское Партизанского р-на, сѣла Многоудобное, Шкотово Шкотовского р-на, с. Соколовка Чугуевского р-на Приморского края [Семѣнова, Семѣнов, 2003, № 53–110]).

На Радоницу и на Вознесение исполнялись особые хороводные песни, сопровождающие «вождение стрелы» или «закапывание стрелы» [Там же, с. 33]. Они имеют собственные текстовые маркеры – упоминание стрелы («Ты лети, стрела», «Ай, иди, стрела», «Як пушу стрелу» и др.). Основным типом движения в таких хороводах, как правило, было шествие шеренгами, но могли быть и орнаментальные варианты вождения [Там же].

Летне-осенний сезон

Летне-осенний период распадается на две части: собственно лето и позднее лето и осень.

Обрядовыми песнями первой части – **лета** – являются *троицкие* (а также *русальские, грянные*), *купальские* и *петровские*. Последние две жанровые разновидности исследователи часто объединяют в одну – купальско-петровскую, поскольку одни и те же песни могли исполняться и в день Ивана Купала (7 июля), и в Петров день (12 июля).

В общей суммарной коллекции календарных белорусских песен сибирского бытования присутствуют совсем немного образцов обрядовых песен троицкой недели (около десяти). В данном случае мы снова видим ситуацию, когда обрядовый компонент сохраняется гораздо лучше песенного. Повсеместно в Сибири проводились обряды, связанные с культом растительности. Каждое обрядовое действие, по словам информантов, сопровождалось специальными песнями. Однако в последнее десятилетие даже самые пожилые исполнительницы могли спеть лишь отдельные образцы этого жанра. Например, песня «Подруженьки-голубушки», которую фиксировали во второй половине 1980-х гг. в с. Колбаса Кыштовского района Новосибирской области (ГАНУ, ф. 2163, оп. 2, № 104, В-9), была записана вновь во время фольклорно-этнографической экспедиции в 2016 г., но уже от других носителей традиции (ПМ Дайнеко, Кыштовский р-н Новосибирской обл., 2016).

Купальский обрядовый комплекс имел прежде большое значение в годовом круге, так как этот праздник отмечали в дни летнего солнцеворота (25 июня по старому стилю). В некоторых субрегиональных белорусских традициях (Приморский край, Омская обл.) сохранялись и купальские обряды, и сопровождающие их песни. В других же субрегиональных и локальных традициях уже в 1980-е гг. празднование этого дня не включало ритуальные практики, а сводилось к развлечениям, обычно детским: «Только знали, что Иван Купала. Бегали ребяташки, обливались водой, и всё» (с. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской обл.) [Дайнеко, 2016б, с. 68].

В народной терминологии иногда отражены не только названия песен, но и место их исполнения – на улице: «вот и вся купалкина песня», «эта купалка, вечером штобы все были на дворе» (д. Ларионовка Знаменского р-на Омской обл.; Арх. ОмГПУ, МАГ-3/96, № 2, 35).

Жанровое разнообразие летнего периода могло быть дополнено *православными песнопениями*, которые были связаны с обрядовыми ситуациями вызывания дождя. Например, в с. Колбаса Кыштовского района Новосибирской области с этой целью производился «обход с иконой Богородицы берега реки и полей, нуждающихся во влаге: “Старухи собираются, на речку сходят, поют – “Богородицу” егу пели и ещё какие-то пели. ...Идут с речки, где рожь посеяна – на рожь сходят с этой иконой”» [Дайнеко, 2016б, с. 69].

Приуроченными к обрядам – троицким и купальским – в первую половину лета были прежде всего *хороводные песни*: «особенно на Троицу водили хороводы», «на Троицу всё пели хороводские песни» (с. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской обл. [Там же, с. 68]; «водили хороводы. У нас хороводы не только на Троицу водили, но и всегда в праздники» (с. Ивановка Бирилюсского р-на Красноярского края [Семик и Троица..., 2012, с. 83]). Сами хороводы могли быть сложными в хореографическом отношении, например, «когда шли к реке, могли завести орнаментальный хоровод, с выбиранием пары и переходом с нею в конец шеренги: “вот через пару всё переходили, переходили – один через одного, и так до самой до речки туда, у край деревни сходили, пели”» (с. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской обл. [Дайнеко, 2016б, с. 68]).

Как и во время других праздников, сугубо развлекательные ситуации всеобщего веселья позволяли исполнять образцы необрядового фольклора разных жанров – «лирические, шуточные песни, наигрыши под пляску и пение частушек» [Семёнова, Семёнов, 2003, с. 94].

Вторая часть рассматриваемого сезона охватывает **позднее лето** и **осень**. Это был очень важный и ответственный период в жизни крестьян, насыщенный полевыми работами. С главной из них, а именно со сбором урожая злаков, были связаны *обрядовые песни* этого времени – *жнивные* и *дожиночные*. Они предназначались для сольного или ансамблевого исполнения: «...от мы жнём и паём, и жнём, и песни ётгы паём. А их можна и так петь [вне работы]. И па аднаму можна, и несколько, ище й лучше. На поле ж, видите, я одна жну. У меня горе – я паю, и паю, и жну, и паю» (с. Харитоновка Шкотовского р-на Приморского края [Там же]). Специальными обрядами древнего происхождения, которые призваны были обеспечить удачную жатву и хороший урожай, отмечались крайние точки жнивных работ: их начало – зажинки и окончание – дожинки, обжинки. Песни, сопровождающие жатвенные обряды, обозначаются носителями традиции чаще всего описательным образом: «як начинали жать рожь», «на поле, как жали рожь. Пасля Пятра», «тоже як жали», «эта жнива», «как рожь дажинали», «эта дажавши с поля ишли, эту песню пели. Как рожь убрали» (д. Ларионовка Знаменского р-на Омской обл.; Арх. ОмГПУ, МАГ-3/96, № 24, 25, 26, 41, 19, 21 соответственно), «как кончают жать» (с. Атирка Тарского р-на Омской обл.; Арх. ОмГПУ, МАГ-16/1980, № 9). Наряду с песнями обрядовые действия (вязание первого и последнего снопа, завивание «бороды», катание жней по земле, по полю и пр.) могли сопровождаться особыми *речевыми приговорами*.

Приуроченными к сезону можно назвать *пропалочные*, *покосные*, *косецкие* и другие песни, которые сопровождали различные полевые работы. Их пели во время самого крестьянского труда: «Полим и паём во весь голос... Рядышком идём, траву рвём и паём» (с. Васильевка Партизанского р-на Приморского края [Семёнова, Семёнов, 2003, с. 94]), а также по пути на работу и с работы или во время отдыха. В жанровом отношении это были чаще всего лирические песни.

То же можно сказать и об *осенних* или «*восеньских*» *песнях*, которые исполнялись как во время полевых работ, так и по завершении земледельческого цикла.

Выводы

Как показало рассмотрение всех сезонных циклов белорусского календаря сибирского бытования, песенный репертуар праздничных и обрядовых комплексов имеет иерархическую организацию. В зимний, весенний и летне-осенний сезонные циклы кроме обрядовых входят и другие жанры – приуроченные (к обряду или сезону) и неприуроченные. В каждом сезонном цикле указанные части репертуара образуют разные в жанровом и количественном отношении конфигурации: варьирует как состав жанровых групп, так и число образцов разных жанров. Кроме того, во время календарных праздников звучит большое количество песен обходного репертуара. О сложности систематизации и классификации календарных песен годового круга ввиду их многосоставности пишет белорусский этномузыколог З. Я. Можейко. Она объясняет это тем, что «в живой народно-песенной практике календарный цикл включает как песни собственно календарные... так и необрядовые песни лирического и эпического характера, условно приурочиваемые к тому или иному временному периоду либо нескольким различным периодам» [Можейко, 1985, с. 14].

Количественный состав обрядовых и приуроченных к обрядам песен в масштабах всего годового календарного круга неоднороден. Во всех субрегиональных традициях зафиксировано большое число зимних обходных песен (колядок, щедровок), в некоторых – песен купальского обрядового комплекса или радоницких хороводов. Заметно меньше записано весенних песен-закличек, масленичных, жнивных и др. Наконец, мы располагаем небольшим количеством образцов таких жанров, как троицкие, егорьевские песни. Тем не менее в суммарной коллекции представлены все традиционные песенные жанры белорусского календаря. Наиболее богатыми по числу песен и сложно организованными в жанровом отношении являются центральные песенно-обрядовые циклы противопоставленных в календаре сезонов, зимнего и летнего – Святки и Купала.

Во всех календарных сезонах в обрядовые комплексы включены православные песнопения. Эти жанры могут быть приурочены к определенным обрядовым ситуациям, но могут исполняться и в другие, необрядовые календарно приуроченные периоды, которые обычно предшествуют крупным праздничным циклам (например, Святкам). Речь идет прежде всего о православных постах. В постовые периоды, направленные на очищение тела и спасение души, музыка не исчезала из народного быта, но певческий репертуар был особым. В первую очередь исполнялись православные песнопения; но также во время постов могли звучать и образцы фольклорных жанров: духовные стихи, некоторые волочebные, баллады и другие. К сожалению, полный репертуар постовых песен не зафиксирован собирателями. В силу этого обстоятельства установить пропорции православных песнопений и песен фольклорных жанров, звучащих во время постовых периодов, в настоящее время не представляется возможным. Можно лишь констатировать безусловную значимость постов для годового календарного круга, а также подчеркнуть ритмичность чередования в календаре постов и насыщенных обрядовыми практиками праздников – своеобразных «вдохов» и «выдохов» традиционного уклада жизни.

Список литературы

- Великий пост и Пасха в народной культуре Приенисейской Сибири: Фольклорно-этнографические материалы. Семантика обрядовых действий / Сост. Н. А. Новосёлова. Красноярск: Класс Плюс, 2013. 256 с.
- Дайнеко Т. В.* Зимние календарные песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: проблемы изучения // Вестн. музыкальной науки. 2013. № 2. С. 55–60.
- Дайнеко Т. В.* Календарные обряды и песни села Камышинка (материалы экспедиции 2016 г.) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016а. № 2, вып. 31. С. 85–91.
- Дайнеко Т. В.* Фольклорные традиции села Колбаса: основные вехи народного календаря (по воспоминаниям Евы Ивановны Павлюковой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016б. № 2, вып. 31. С. 63–70.
- Дайнеко Т. В.* Записки из Петропавловки: по результатам экспедиции 2016 г. в Маслянинский район Новосибирской области // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2, вып. 36. 128–136.
- Жимулева (Исмаилова) Е. И.* Православная и фольклорная певческие традиции: проблемы взаимодействия: Дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2008.
- Леонова Н. В.* Сибирская география белорусских народных песен // Народная культура Сибири: Материалы XIII науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2004. С. 46–49.
- Леонова Н. В.* Том «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть первая»: принципы подготовки и научный потенциал издания // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтва: Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., 28–29 лістапада 2013 г., г. Мінск: У 2 ч. Ч. 2 / Уклад. Н. С. Бункевіч [і інш.]; гал. рэд. А. І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. Мінск: Права і эканоміка, 2014. С. 279–283.
- Леонова Н. В., Жимулева (Исмаилова) Е. И.* Народное рождественское христославение (на материале сибирской традиции) // Сибирский музыкальный альманах, 2001 / НГК им. М. И. Глинки. Новосибирск, 2002. С. 46–53.
- Можейко З. Я.* Календарно-песенная культура Белоруссии: Опыт системно-типологического исследования. Минск: Наука и техника, 1985. 247 с.
- Мясникова С. А.* «Тярёшка тярэжила, на печі не влэжила...» (материалы фольклорного архива ОмГПУ о святочном обряде «Женитьба Терёшки» белорусов Омского Прииртышья) // Народная культура Сибири: Материалы XXIII науч.-практ. семинара регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2015. С. 175–182.
- Мясникова С. А.* «Волочebнички волочилися...» – волочebные песни белорусских переселенцев Омского Прииртышья // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 13–22.
- Пришла Коляда накануне Рождества / Сост. Н. А. Новоселова, С. В. Соколова. Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 256 с.
- Семёнова И. В., Семёнов О. В.* Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003.
- Семик и Троица в народной культуре Приенисейской Сибири: Фольклорно-этнографические материалы. Семантика обрядовых действий / Сост. Н. А. Новосёлова. Красноярск: ГЦНТ: Класс Плюс, 2012. 212 с.
- Традиционный фольклор Тюменской области: репертуарный сборник / Авт.-сост. Л. В. Дёмина. Тюмень: Титул, 2013. 164 с.
- Фетисова Л. Е.* Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002.

Фетисова Л. Е., Ермак Г. Г., Сердюк М. Б. Традиционный восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): Адаптационный аспект. Владивосток: Дальнаука, 2004. 192 с.

T. V. Dayneko¹, N. V. Leonova²

¹ *Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk Russian Federation, tan-dai@mail.ru*

² *Glinka Novosibirsk State Conservatoire, Novosibirsk, Russian Federation, nleonova53@mail.ru*

Genres of Belarusian calendar songs of Siberia and the Far East

The paper continues the publication of the results of a comprehensive study of the calendar folk-ethnographic cycle of Belarusian-settlers of Siberia and the Far East. This study is related to the preparation of the second part of the volume of Belarusian folklore to be published in the series “Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East.” The main attention is paid to the characteristics of the repertoire of Belarusian calendar songs of the Siberian region. The entire annual calendar cycle of the Belarusian folklore is divided into three seasons – winter, spring and summer-autumn, each consisting of several ritual and ethnographic complexes. The song repertoire of holiday complexes has a hierarchical organization, including the actual ritual songs and songs of various genres, dedicated to the rite or season. For example, the ritual songs of the Christmastide (The Christmas – New Year – Epiphany, the central holiday complex of the winter season) include complimentary roundabout songs: carols, generousities, sowing songs, as well as songs accompanying the ritual games “The Goat” and “The Marriage of Tereshka.” The folklore versions of Orthodox troparii are dedicated to the rites. The songs performed during evening parties for young people – vechoroshniye songs, dance songs, lyrics are seasonally timed. In addition, during the calendar holidays, a large number of songs from the everyday repertoire are played. Along with the scientific terminology, the ethnographic and folk designations of song genres available in the sources are given, and their distinctive textual markers are indicated.

Keywords: traditional culture of Siberia, calendar folklore, Belarusian-settlers, song genres.

DOI 10.17223/18137083/67/3

References

Dayneko T. V. Zimnie kalendarnye pesni belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka: problemy izucheniya [Winter calendar songs of Byelorussians from Siberia and the Far East: problems of studying]. *Journal of musical science*. 2013, no. 2, pp. 55–60.

Dayneko T. V. Fol'klornyye traditsii sela Kolbasa: osnovnyye vekhi narodnogo kalendarya (po vospominaniyam Evy Ivanovny Pavlyukovoy) [Folk traditions of the village of Kolbasa: folk calendar major stages (according to Eva Ivanovna Pavlyukova's memories)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. 2016, no. 2(31), pp. 63–70.

Dayneko T. V. Kalendarnye obryady i pesni sela Kamyshinka (materialy ekspeditsii 2016 g.) [Calendar rituals and songs of Kamyshinka village (fieldwork materials of 2016)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. 2016, no. 2(31), pp. 85–91.

Dayneko T. V. Zapiski iz Petropavlovki: po rezul'tatam ekspeditsii 2016 g. v Maslyaninskiy rayon Novosibirskoy oblasti [Notes from Petropavlovka: according to the results of the expedition in 2016 to Maslyaninsky district of Novosibirsk region]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. 2018, no. 2(36), pp. 128–136.

Fetisova L. E. *Belorusskie traditsii v narodno-bytovoy kul'ture Primor'a* [The Byelorussian traditions in the national and household culture of Primorye]. Vladivostok, 2002.

Fetisova L. E., Ermak G. G., Serdyuk M. B. *Traditsionnyy vostochno-noslavianskiy fol'klor na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): Adaptatsionnyy aspekt* [Traditional East Slavic folklore in the south of the Far East of Russia (the second half of 19th – the beginning of the 20th century): Adaptation Aspect]. Vladivostok, Dal'nauka, 2004, 192 p.

Leonova N. V. Sibirskaya geografiya belorusskikh narodnykh pesen [Siberian geography of Byelorussian folk songs]. *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy XIII nauch. seminara Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia: Materials of the 13th sci. seminar of the Siberian Regional Univ. Center on Folklore]. Omsk, 2004, pp. 46–49.

Leonova N. V. Tom “Fol'klor belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Chast'pervaya”: printsipy podgotovki i nauchnyy potentsial izdaniya [Volume “Folklore of the Belarusians of Siberia and the Far East. Part First”: the principles of preparation and scientific potential of the publication]. In: *Traditsyi i suchasny stan kul'tury i mastatstva: Materyyaly Mizhnar. navuk.-prakt. kanf., listapada 2013 g., g. Minsk: U 2 ch. Ch. 2* [Traditions and present state of culture and art: Materials of intern. sci. conf., Nov. 28–29, 2013, Minsk]. N. S. Bunkevich (Comp.), A. I. Lakotka (Ed.). Tsentr dasledavannyaŭ belaruskay kul'tury, movy i litaratury NAN Belarusi. Minsk, Prava i ekanomika, 2014, pp. 279–283.

Leonova N. V., Zhimuleva (Ismagilova) E. I. Narodnoye rozhdstvenskoye khristoslavleniye (na materiale sibirskoy traditsii) [Folk Christmas chant (on the material of the Siberian tradition)]. In: *Sibirskiy muzykal'nyy al'manakh, 2001*. NGK im. M. I. Glinki. Novosibirsk, 2002, pp. 46–53.

Mozheyko Z. Ya. *Kalendarno-pesennaya kul'tura Belorussii: Opyt sistemnotipologicheskogo issledovaniya* [Calendar-song culture of Belarus: Experience of a system and typological research]. Minsk, Nauka i tekhnika, 1985, 247 p.

Myasnikova S. A. “Tyarëshka tyarëzhila, na pechi ne vlëzhila...” (materialy fol'klornogo arkhiva OmGPU o svyatochnom obryade “Zhenit'ba Terëshki” belorusov Omskogo Priirtysh'ya) [“Tyarëshka tyarëzhila, na pechi ne vlezhila...” (materials of the Omsk State Pedagogical University's folklore archive about the ritual game “The Marriage of Tereshki” by the Byelarussians of Omsk Irtysh)]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri: Materialy XXIII nauch.-prakt. seminara regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru*. Omsk, OSPU Publ., 2015, pp. 175–182.

Myasnikova S. A. “Volochebnichki volochilisa...” – volochebnye pesni belorusskikh pereselentsev Omskogo Priirtysh'ya [“The valicenti trailed...” – volochine songs of the Omsk Irtysh region Belarusians]. *Siberian Journal of Philology*. 2017, no. 1, pp. 13–22.

Prishla Kolyada nakanune Rozhdestva... [Kolyada has Come on the Eve of Christmas]. N. A. Novoselova, S. V. Sokolova (Comps). Krasnoyarsk, Kn. izd., 1995, 256 p.

Semenova I. V., Semenov O. V. *Karagod shirokiy: Kalendarno-obryadovye pesni pereselentsev Surazhskogo, Novozybkovskogo, Starodubskogo uezdov Chernigovskoy gubernii v Primor'e* [Wide Karagod: Calendar-ritual songs by Settlers from Surazhsky, Novozybkovsky, Starodubtzevsky counties of the Chernigov province in Primorye]. Vladivostok, 2003.

Semik i Troitsa v narodnoy kul'ture Prieniseyskoy Sibiri: Fol'klorno-etnograficheskie materialy. Semantika obryadovykh deystviy [Semik and Trinity in the national culture of Priyeniseysky siberia: folklore and ethnographic materials. Semantics of ceremonial actions]. N. A. Novoselova (Comp.). Krasnoyarsk, GTSNT, Klass Plyus, 2012, 212 p.

Traditsionnyy fol'klor Tyumenskoy oblasti: repertuarniy sbornik [The traditional folklore of the Tyumen region: a repertoire collection]. L. V. Demina (Comp.). Tyumen', Titul, 2013, 164 p.

Velikiy post i Paskha v narodnoy kul'ture Priyeniseyskoy Sibiri: Fol'klorno-etnograficheskie materialy. Semantika obryadovykh deystviy [Lent and Easter in the national culture of Priyeniseysky Siberia: The folklore and ethnographic materials. Semantics of ceremonial actions]. N. A. Novoselova (Comp.). Krasnoyarsk, Klass Plyus, 2013, 256 p.

Zhimuleva (Ismagilova) E. I. *Pravoslavnaya i fol'klornaya pevcheskiye traditsii: problemy vzaimodeystviya* [Orthodox and folklore singing traditions: problems of interaction]. Cand. art. sci. diss. Novosibirsk, 2008, 398 p.